

Огненный штурм Котона

В августе 1945-го сахалинец Алексей Кривенко воевал в батальоне под командованием капитана Леонида Смирных.

ИЗ ДОВОЕННОГО

Рассказы о ветеранах обычно принято иллюстрировать старыми фотографиями.

— Давайте посмотрим, — участник боев за освобождение Южного Сахалина Алексей Леонтьевич Кривенко достает свой скромный архив. — Вот это митинг у памятника погибшим землякам... Здесь мы на встрече в районной администрации... А это фотографировали лет двенадцать назад. Вот сколько нас тогда было...

Искал долго и терпеливо, однако фото времен своей молодости найти так и не смог. Нашел одно, где ему всего-то лет семьдесят, по отношению к сегодняшнему возрасту — сущие пустяки.

— Не до фотографий мне тогда было, — говорит ветеран. — Да и какие в армии фото? На границе стояли... А более ранних у нас в семье не было. Мы ведь как на Сахалин приехали? Жили в Новоалександровке, это на Амуре. Старшие работали, хозяйством занимались, несколько коров держали, птицу. А в начале 1930-х годов нас раскулачили. Наверное, подумали, что слишком хорошо живем...

На разоренном хозяйстве шибко

не прокормишься. И тогда старший Кривенко завербовался на Сахалин. Семью взял с собой. Месяц добирались до Ноглик. Свободного жилья не нашлось, на первых порах приютились в домике на несколько семей. Отец устроился лесорубом, сутками пропадал на делянах. Мать по хозяйству хлопотала, 10-летний Алексей в школу ходил.

Жизнь была обычной по тем временам. Зарплату отцу хотя и начисляли, но на нее в Ногликах почти ничего нельзя было купить. Раз в месяц в леспромхозе выдавали продуктовый паек, Кривенко его тоже получали. Пакет не очень большой, лишь самое необходимое: крупа, мука, сахар, масло подсолнечное... В основном люди кормились тем, что на огороде выращивали, в реке ловили и в лесу добывали.

В местном леспромхозе после окончания школы-семилетки стал работать и младший Кривенко. А куда еще устроишься в Ногликах? А там 1941 год и — война. В мае 1942-го призвали в армию и Алексея. В Тымовском наскоро обучили снайперскому делу. И направили служить на пограничную заставу в Гродеково.

НА ГРАНИЦЕ

Была когда-то такая застава Гро-

деково на демаркационной линии, разделившей в 1905 году Сахалин на две части: южную — японскую и северную — российскую. На той стороне — пограничный пункт Хонда, прикрывающий первую линию обороны построенного еще в 1930-е годы мощного Харамитогского укрепрайона, за которым — узловая станция Котон. А на этой стороне — маленький поселок и воинская часть, перед которой командование поставлено сразу несколько важных задач.

Во-первых, надо строить казармы для вновь прибывающих частей. Во-вторых, предстоит обеспечить свой участок обороны рокадной дорогой, без которой в случае боевых действий ни патронов не подвезти, ни свежим пополнением не обеспечить. А самое главное, необходимо серьезно заниматься полевой и долговременной фортификацией: рыть окопы в полный рост, строить доты... Так что с лопатой рядовой Кривенко в те годы сдружился сильнее, чем со снайперской винтовкой.

Шла Великая Отечественная война, до Берлина было еще далеко. И хотя в Гродеково не стреляли, здесь готовились отразить потенциального врага в любой момент.

Впрочем, Япония отнюдь не

(Окончание на 2 стр.)

Огненный...

(Окончание. Нач. на 1 стр.)

стремилась к боевым действиям на Сахалине, ей хватало войны в Китае и военных операций в Юго-Восточной Азии. Но, главное, от приграничных конфликтов удерживала нефть, которую на Северном Сахалине тогда добывали японские концессионеры.

— На границе японцев мы видели редко, — продолжает свой рассказ ветеран. — Наши разведчики почти беспрепятственно переходили на ту сторону и вели наблюдение.

Май 1945-го Кривенко встретил в звании ефрейтора. Теперь при необходимости он мог быть в стрелковой роте не только снайпером, но и обеспечивать ей телефонную связь. Многому за три года пришлось научиться...

ДОРОГА ДО ПОБЕДЫ

8 августа 1945 года СССР объявил войну Японии. Боевые действия на материковой части страны начались 9 августа. А через два дня — операция по освобождению Южного Сахалина.

Ранним утром 11 августа передовые части 56-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Анатолия Дьяконова перешли демаркационную линию и начали продвижение по направлению к узловой станции Котон. Своя задача была у отряда капитана Леонида Смирных: обойти укрепление с восточной стороны и обеспечить огневую поддержку основ-

ным силам с фланга.

— Мне довелось воевать в батальоне капитана Смирных, в девятой роте, — продолжает ветеран. — Комбат наш раньше в кавалерии служил, роста небольшого, но крепкий такой, энергичный... Бои шли упорные, японцы стрелять умели, были немалые потери с нашей стороны. Дзоты у них такие вот цилиндрические были расставлены на всех направлениях, попробуй обойди! Да еще японцы-снайперы голову от земли поднять не дают. Они же все на деревьях маскировались, а мы этого не знали. Это потом стали осторожными, а в первый день наступления не до этого было. Молодые, необстрелянные... Дорог для техники не было, первыми смогли к нам добраться легкие танкетки, три штуки. Все они там, под Котоном, и остались. Они же на бензине работали, горели как свечки, вместе с экипажем... А потом подошли «тридцатьчетверки», и Котон мы взяли. Это было 15 августа. А 16-го утром японский снайпер нашего комбата Леонида Смирных убил. Долго мы о его гибели жалели...

На станции бросились в глаза следы поспешного бегства: вдоль железнодорожного полотна вперемешку валялись коробки, ящики, мешки, солдатские рюкзаки. Однако большинство из оставшихся в живых японских военных вместо бегства в никуда выбрало капитуляцию.

ОТ КОРСАКОВА ДО ГРОДЕКОВО

Не успели взять Котон, как пришел новый приказ — срочно грузиться в вагоны: часть направлялась в Корсаков.

— Несколько дней мы там пробыли, — продолжает Алексей Леонтьевич. — Обмундирование на нас, считай, никакое, в чем воевали в Котоне, в том и приехали. Даже как-то неловко перед местными жителями... особенно женского пола, — добавляет он с улыбкой. — О том, куда нас собираются отправить, мы, конечно, не знали, ждали приказа.

Неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы не успешные действия Красной армии на материке, Южном Сахалине и островах Курильской гряды. В кон-

це августа все было кончено: японские войска повсеместно капитулировали. Так что повоювать Кривенко больше не довелось.

Впрочем, военная служба на этом для него не закончилась. Два года он прослужил в Ногликах в 76-м отдельном стрелковом батальоне (ОСБ). Участие Кривенко в боях Родина отметила медалями «За отвагу» и «За победу над Японией», Благодарностью от Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Позже к ним добавились и юбилейные медали.

В 1947 году для Кривенко началась гражданская жизнь. Демобилизовавшись из армии, он работал в торге, леспромхозе, на участке связи. На пенсию вышел в 65 лет, но без дела не сидел: занимался подсобным хозяйством, в нелегкие 1990-е поддерживал сына и дочь, помогал им растить детей. Сегодня у Алексея Леонтьевича уже есть и правнуки.

ЕЩЕ ДВА СЛОВА

Лет пятнадцать назад в Ногликах проживало более десяти ветеранов Великой Отечественной войны. С годами их становилось все меньше и меньше. Не так давно ушел из жизни кавалер ордена Славы Александр Поликарпович Винокуров, немного раньше — Каюм Ризванович Ризванов, награжденный орденом Красной Звезды. Сегодня из ногликских ветеранов, участников боевых действий, жив только один...

— В декабре Алексею Леонтьевичу исполнится 95 лет. Очень много, правда? А он еще в прошлом году самостоятельно маленький огорожок под окном вскопал и картошку посадил, — говорит невестка ветерана Людмила Ивановна. — В этом году мы, конечно, ему помогли.

— А укроп кто сажал? — улыбается Алексей Леонтьевич...

Остается добавить, что администрация городского округа Ногликский не забывает о своем ветеране. Дважды в год — на 9 Мая и в день рождения — к Алексею Леонтьевичу приходят с поздравлениями и подарками.

Война осталась в прошлом, жизнь — продолжается.

Сергей ЧЕВГУН,
РИА «Сахалин-Курилы»,
30 августа 2018 года

Фото из архива Алексея Кривенко.